

RU

Кадровая стратегия этнографической школы В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина (Алькора) (1920-е годы)

Иванова Э. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить историческое значение кадровой стратегии этнографической школы В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина (Алькора) в отношении советского Севера в XX веке и наметить перспективы ее использования для развития Арктики в современных реалиях. В статье исследуется кадровая стратегия, разработанная В. Г. Богоразом, Л. Я. Штернбергом, Я. П. Кошкиным в отношении Севера, Сибири и Дальнего Востока для обеспечения указанных регионов квалифицированными специалистами в целях интеграции северных этносов в советскую общность. Научная новизна работы состоит в определении эффективности кадровой стратегии ученых-этнографов в исторической ретроспективе в XX веке, а также в обозначении возможностей применения ее принципов в настоящее время. В статье описан вклад идеологов кадровой стратегии В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина (Алькора) в формирование профессионального образования этнографов и учащихся-северян в 20-е годы в Ленинграде, уточнены хронологические рамки становления и специфика деятельности таких образовательных структур, как рабфаки ЛГУ (Ленинградского государственного университета, ЛИЖВЯ (Ленинградского института живых восточных языков), Северного факультета ЛВИ (Ленинградского восточного института) им. А. С. Енукидзе, ИНСа (института народов Севера), рассмотрена роль разработанной стратегии в деле сохранения традиционных культур сегодня. В результате исследования установлено значение кадровой стратегии В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина (Алькора) в рамках советской государственной политики, способствовавшей формированию исследовательской и образовательной среды районов Севера, Сибири и Дальнего Востока в XX-XXI вв.

EN

Personnel strategy of the ethnographic school of V. G. Bogoraz, L. Ya. Sternberg, Ya. P. Koshkin (Alkor) (the 1920s)

E. V. Ivanova

Abstract. The research aims to identify the historical significance of the personnel strategy of the ethnographic school of V. G. Bogoraz, L. Ya. Sternberg, and Ya. P. Koshkin (Alkor) concerning the Soviet North in the 20th century and to outline its future application for the development of the Arctic in contemporary realities. The article examines the personnel strategy developed by V. G. Bogoraz, L. Ya. Sternberg, and Ya. P. Koshkin for the North, Siberia, and the Far East, aimed at providing these regions with qualified specialists to facilitate the integration of northern ethnic groups into the Soviet community. The scientific novelty of the work lies in determining the effectiveness of the ethnographers' personnel strategy in historical retrospect during the 20th century, as well as in identifying the possibilities for applying its principles in the present day. The article describes the contribution of the personnel strategy's ideologues – V. G. Bogoraz, L. Ya. Sternberg, and Ya. P. Koshkin (Alkor) – to the formation of professional education for ethnographers and students from the North in the 1920s in Leningrad. The study clarifies the chronological framework of the establishment and the specific activities of educational structures such as the Workers' Faculties of the Leningrad State University, the Leningrad Institute of Living Oriental Languages, the Northern Faculty of the Leningrad Oriental Institute named after A. S. Enukidze, and the Institute of the Peoples of the North, and considers the role of the developed strategy in preserving traditional cultures today. As a result of the research, it was established that the personnel strategy of V. G. Bogoraz, L. Ya. Sternberg, and Ya. P. Koshkin (Alkor) played a significant role within Soviet state policy, contributing to the formation of the research and educational environment in the regions of the North, Siberia, and the Far East throughout the 20th and 21st centuries.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена историческим значением кадровой стратегии этнографической школы В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина (Алькора) 20-х годов XX в., заложившей фундаментальную основу и направления подготовки кадров для районов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также необходимостью комплексного освещения вопросов подготовки специалистов для Севера, Сибири и Дальнего Востока в 20-е гг. XX в.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- изучить вклад ученых-этнографов В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина (Алькора) в формирование кадровой стратегии для районов Севера, Сибири и Дальнего Востока;
- проследить эволюцию и преемственность этапов образовательного процесса в учебных заведениях Ленинграда 20-х годов XX века (рабфаки ЛГУ (Ленинградский государственный университет), ЛИЖВЯ (Ленинградский институт живых восточных языков), Северный факультет ЛВИ (Ленинградский восточный институт) им. А. С. Енукидзе, ИНСа (институт народов Севера)), предложенные и реализованные этнографической школой В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина;
- оценить значение осуществленной кадровой стратегии этнографической школы В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина (Алькора) в советский период и возможности реализации подходов изучаемой кадровой стратегии как части современной кадровой политики развития регионов Арктики.

В исследовании применялись принцип историзма, нарративный, историко-генетический и историко-описательный методы для последовательного описания собранных источников и материалов и обобщения данных в целях понимания логики событий в сфере образования для районов Севера, Сибири и Дальнего Востока в 20-е гг. XX века в рамках реализации кадровой политики этнографической школы В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина (Алькора).

Материалом для исследования послужили документы официального делопроизводства, архивные источники, адресно-справочные книги Ленинграда, информирующие о деятельности учебных заведений (структура, адрес, руководящий состав), а также художественный текст Г. Чинкова (эвенкийский автор).

Теоретическую базу составляют работы в области истории образования малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в 20-е гг. XX в. (Богораз, 1923; Богораз-Тан, 1925a; 1925b; Воскобойников, 1958; Кононов, Иориш, 1977; Еремеева, 2010; Смирнова, 2012; Сидорчук, 2018; Неруш, 2021; Петров, 2023; Дюпин, 2024).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов статьи при разработке учебных курсов по истории образования народов Севера в 20-е годы прошлого века.

Обсуждения и результаты

В 2025 году исполняется 100 лет со дня открытия рабфака для народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Ленинграде, и сегодня очевидно, что прагматизм кадровой стратегии, избранный учеными-этнографами Владимиром Германовичем Богоразом, Львом Яковлевичем Штернбергом, Яном Петровичем Кошкиным (Алькором), в исторических условиях начала XX века является оправданным. Их кадровая стратегия оказалась плодотворной не только в краткосрочной перспективе первых послереволюционных десятилетий, но и в настоящее время может рассматриваться как источник ценных знаний северных этносов об окружающем мире и как полезный опыт в подготовке специалистов для арктических регионов.

В дореволюционный период малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока были бесписьменными, в основном вели кочевой образ жизни, занимаясь охотой, оленеводством, рыболовством. После установления советской власти в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока в традиционном укладе их жизни происходят значительные сдвиги социокультурного характера, оказавшие влияние на их дальнейшее существование. Одним из таких изменений стала возможность получения профессионального образования в техникумах и вузах. Первым учебным заведением для представителей малочисленных народов Севера стал рабфак ЛГУ, открытый по инициативе В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина в Ленинграде в 1925 году.

Вклад В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Алькора в формирование кадровой стратегии в целях реализации советской государственной политики в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока

В послереволюционный период социальных, культурных, экономических преобразований подготовка этнографов и специалистов из числа малочисленных народов Севера связывалась с необходимостью включения северных этносов в советское общество, что обеспечивалось посредством внедрения советской идеологии в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Идеологами кадровой стратегии в отношении подготовки специалистов в области советского строительства, образования, кооперации, педагогики для регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока стали В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, Я. П. Алькор. Ведущим принципом их этнографической школы являлось полное и длительное (1-3 года) погружение в культуру изучаемого народа. Видение указанными этнографами знаний о мировоззрении, религиозных верованиях, быте, промыслах северных народов как абсолютно необходимых для специалистов советского Севера, Сибири и Дальнего Востока определило направление реализации масштабной кадровой стратегии для вышеназванных регионов на протяжении всего XX века.

Владимир Германович Богораз-Тан (1865-1936) написал работы по шаманизму, культуре, фольклору, языку эвенов и чукчей, занимался общественной деятельностью, литературным творчеством. В 1922 году он приступил к работе на этнографическом отделении Географического института. Продвигая идею необходимости этнографического образования, Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз в письме в Госплан СССР писали: «...различные правительственные организации обращаются с запросами, требуют экспертов по пушнине, по оленине, по местному устройству рыболовства... Такими специалистами могут быть лишь этнографически обученные люди» (Вахтин, 2023, с. 74). Подобного рода обращения были обусловлены необходимостью финансирования студенческих экспедиций в различные районы страны.

Глубоко осознавая важность исследования в области североведения, В. Г. Богораз-Тан выступил с докладом «Изучение и охрана окраинных народов как первоочередная государственная задача» 27 марта 1923 года на заседании коллегии Наркомата национальностей (Наркомнац). На следующем совещании 30 марта 1923 г. ученый дополнительно представил тезисы к нему. В них говорилось об уникальности культурного опыта освоения Севера, Сибири и Дальнего Востока северными этносами и о необходимости предоставления им защиты со стороны советского государства. И уже 2 апреля 1923 г. Коллегия Наркомнаца принимает постановление об организации Комитета содействия и защиты малых народностей Севера и Сибири при Наркомнаце, подготовке уполномоченных со знанием этнографии и пр. (Богораз, 1923).

Несмотря на данное решение, практическая реализация тезисов В. Г. Богораз-Тана начинается лишь после постановления Президиума ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) от 20 июня 1924 г. об учреждении Комитета содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). На Комитет Севера была возложена миссия по изучению быта, условий жизни народов Севера и проведению практических мероприятий по советскому строительству в регионах. Председателем Комитета Севера назначили Петра Гермогеновича Смидовича; в состав вошли советские партийные деятели и ученые: Семен Маркович Диманштейн, Владимир Германович Богораз, Лев Яковлевич Штернберг, Анатолий Васильевич Луначарский, Анатолий Евгеньевич Скачко и др. (Комитет содействия..., 1925).

Безусловно, что совместная деятельность Комитета Севера и научного сообщества давала возможность оперативно и своевременно решать проблемы социокультурного, политического и экономического характера. В мае 1925 г. на расширенном Пленуме Комитета Севера поднимались вопросы, связанные с торговлей, промыслами, культурной деятельностью. Выступая на нем с докладом о подготовке специалистов для районов Севера, Сибири и Дальнего Востока, В. Г. Богораз сказал: «Ленинградский Географический Институт, ЛГИ, ныне преобразуемый в Этнографо-Географический факультет, ЭГФ при Ленинградском Государственном Университете ... имеет своей задачей готовить этнографически образованных и практически умелых деятелей для работы ... среди туземных народностей СССР по линии развития их самостоятельности и культуры, экономической, политической и социальной» (Богораз-Тан, 1925а, с. 120).

Богораз в ходе своего выступления также сообщил о том, что на последнем курсе обучается 12 студентов, готовых к просветительской, государственной и кооперативной работе на Севере: из них три студента изучали чукотский язык и культуру, один студент – корякский язык и культуру, два студента – самоедский (ненецкий) язык и культуру, семь – эвенкийский язык и культуру. В. И. Цинциус (1956) упоминала также обучение нивхскому языку. В связи с этим необходимо отметить, что появлению таких специалистов способствовало предложение студентов Ю. Крейновича и П. Молла о пересмотре программы обучения на этнографическом отделении, с которым они обратились к Я. П. Кошкину. Последний выступил с инициативой о введении специализации по славянскому, тюркскому, финно-угорскому, палеоазиатскому, тунгусо-маньчжурскому циклу. По его мнению, этнограф должен знать все, что касается объекта его изучения (Омельчук, 2006).

В. Г. Богораз предлагал командировать на Север выпускников 1924 г. (15-20 человек (окончивших или заканчивающих учебу)) этнографического и общегеографического факультетов, в т. н. «добровольную ссылку» (Богораз-Тан, 1925b, с. 49). Ученый считал, что «живой человеческий подход к многострадальным и своеобразным Северным племенам» (Богораз-Тан, 1925b, с. 48) станет залогом действенной миссионерской деятельности студентов-этнографов. Для этого молодым практикантам этнографам необходимо «вжиться» в традиционное общество северных народов для планомерного изучения культур и защиты их интересов (Богораз-Тан, 1925b, с. 49).

Необходимо указать и на другой важный момент в докладе В. Г. Богораз-Тана, связанном с подготовкой кадров, на Пленуме Комитета Севера. Профессор просит Комитет Севера оказать содействие в организации рабфака при ЛГУ для того, чтобы в нем обучалась туземная молодежь (Богораз-Тан, 1925а). По его мнению, в деле эффективного установления советской власти на Севере и вовлечения северных этносов в советскую общность надежной опорой для государства могли стать местные кадры, получившие соответствующее образование, т. е. знали изнутри особенности мировоззрения, традиции и быт своих народов (Богораз-Тан, 1925а; В. Т.-Б., 1927).

Комитет Севера поддержал предложения В. Г. Богораз-Тана о командировке выпускников-этнографов северного цикла ЭГФ ЛГУ на Север и также направил обращение в местные органы власти Севера, Сибири и Дальнего Востока о наборе юношей и девушек в Ленинград на открываемый для народов Севера рабфак (В Комитете Севера..., 1925). Таким образом, было положено начало истории профессионального образования малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Лев Яковлевич Штернберг (1861-1927) внес весомый вклад в исследования верований и культур нивхов, айнов, тунгусо-маньчжурских народов. Ученый-этнограф является одним из основателей этнографического североведческого образования в России. Как соратник Л. Я. Штернберга Богораз писал о нем, что он «сживался и сливался с туземцами и приучил себя чувствовать и думать, как чувствуют и думают они. Штернберг как никто понимал и гиляков, и айнов, и орочей, и ороков и именно поэтому он был искренним и верным

их другом и защитником» (Богораз-Тан, 1928, с. 11-12). Работая в МАЭ (Музей антропологии и этнографии), Штернберг с 1902 года занимался организацией и руководством экспедиций Рычкова к эвенкам, Васильева к якутам и долганам, Широкогорова к орочам и др. Ученый читал лекции по этнографии народов в Петербурге в Школе для рабочих (1904), «Русском антропологическом обществе» (1905-1907), Географическом кружке при Петербургском университете (1906), Высших географических курсах (1916), затем реорганизованных в Географический институт (1918), трудился деканом этнографического отделения Географического института. Студенты этнографического факультета Географического института стали выезжать на полевую практику (Вахтин, 2023). Среди них были будущие первые ученые-североведы Г. Василевич, Н. Богданова, Е. Орлова.

Ян Петрович Кошкин (Алькор) (1900-1938) разработал проект эвенкийского алфавита, изучал этнографию эвенков. Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз заметили деловые качества Кошкина (Алькора) и привлекли его к работе на этнографическом отделении Географического факультета ЛГУ. По сведениям А. К. Омельчука (2006), первым с инициативой создания северного рабфака в ЛГУ выступил Ян Петрович Кошкин (Алькор). В дальнейшем он осуществил масштабную и разноплановую деятельность по налаживанию его работы. Так, он организовал кафедру по тунгусской этнографии и языку в ЛГУ, предложил создать Тунгусологическое общество, издавать «Тунгусские сборники», принимал деятельное участие в выпусках сборника «Тайга и Тундра» в ЛИЖВЯ и институте народов Севера, в ИНСе открыл научно-исследовательскую ассоциацию, художественную мастерскую, медико-антропологический кабинет, возглавил ИНС, Комитет нового алфавита народов Севера, разработал проект тунгусского алфавита, инициировал привлечение учащихся рабфака, ИНСа к созданию письменности, наладил плодотворное сотрудничество ИНСа с издательствами Учпедгиз, Партиздат, Детгиз, был членом редколлегии журналов «Советский Север», «Этнограф-исследователь», «Советская этнография» (Омельчук, 2006).

Видится необходимым дать несколько штрихов к портрету Я. П. Кошкина (Алькора), имя которого сегодня незаслуженно забыто. Выдающийся ученый-северовед Юрий Абрамович Крейнович вспоминал о Кошкине (Альгоре) как о разностороннем и образованном человеке в области этнографии, социологии, философии, археологии. Я. П. Кошкин (Алькор) в свое время привел студентов Ерухима (Юрия) Крейновича и Павла Молла в этнографию, пригласив их на лекцию Л. Я. Штернберга в университет (Омельчук, 2006). А. К. Омельчук пишет о Я. П. Кошкине (Альгоре), что «при всей сложности натуры Ян Петрович обладал одним замечательнейшим качеством: умел выявить в человеке главное, помочь ему раскрыться полностью. Поэтому в возглавляемом им институте царила атмосфера подлинной доброжелательности, содружества и творческого сотрудничества» (Омельчук, 2006, с. 177). Ю. А. Крейнович рассказывал, что, когда дело доходило до профессиональных споров в заставленной книгами квартире Кошкина (Алькора) на улице Воинова (Шпалерной), ее хозяин уже не обращал внимания на статус гостей (Омельчук, 2006).

Благодаря совместным усилиям ученых-этнографов Владимира Германовича Богораз-Тана, Льва Яковлевича Штернберга, Яна Петровича Кошкина (Алькора) и Комитета Севера в 20-е годы началась масштабная последовательная подготовка специалистов в области этнографии, советского строительства, педагогики, кооперативной деятельности для районов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Ленинграде.

Размах образовательной и исследовательской деятельности в области североведения, инициированной в 20-е гг. В. Г. Богоразом, Л. Я. Штернбергом, Я. П. Кошкиным (Алькором), виден в многообразии народов, языков и культур, которыми занимались ученики их этнографической школы. Молодые этнографы отправлялись в длительные командировки в районы Севера, Сибири и Дальнего Востока для изучения языков и культуры, героически преодолевали различные трудности, совместно со студентами рабфаковцами ЛГУ, рабфаковцами и учащимися ЛИЖВЯ, ЛВИ им. А. С. Енукидзе, ИНСа создавали алфавиты, письменность и учебники для школ Севера.

Назовем их имена: Прокофьев Георгий Николаевич (ненцы, селькупы), Нина Алексеевна Богданова (удэгейцы, коряки, ительмены), Елизавета Порфирьевна Орлова (нивхи, эскимосы, ительмены, эвены, алеуты), Глафира Макарьевна Василевич (эвенки), Сергей Николаевич Стебницкий (коряки), Нестор Константинович Каргер (ханты, кеты), Надежда Петровна Дыренкова (шорцы, телеуты, кумандинцы). Выпускники следующих лет продолжили традиции выдающихся учителей: Юрий Абрамович Крейнович (нивхи, юкагиры, кеты), Валерий Николаевич Чернецов (манси), Таисия Ивановна Петрова (нанайцы, ульчи, ороки), Цинциус Вера Ивановна (эвенки, эвены негидальцы), Любовь Давыдовна Ришес (эвены), Валентин Александрович Аврорин (нанайцы), Татьяна Александровна Молл (чукчи, коряки) и др. Выполненные ими работы не теряют своей актуальности и сегодня и могут в настоящее время послужить ценным источником о мировоззрении, быте и культуре северных народов.

Далее обратимся к рассмотрению организации и развития образовательного процесса на рабфаках ЛГУ, ЛИЖВЯ, Северного факультета ЛВИ им. А. С. Енукидзе, ИНСа с уточнением хронологических рамок.

Рабфак – Севфак – ИНС. Преемственность и развитие

За последние десятилетия написано немало статей о деятельности учебных заведений, в которых обучались представители малочисленных народов Севера в 20-30-е годы в Ленинграде. При этом целостную картину истории профессионального образования для народов Севера в 20-е годы не позволяет в полной мере представить разрозненность информации в одних и противоречивость данных в других источниках.

Так, нет полной ясности о местонахождении северного рабфака в 1925 году. Например, один из организаторов северного рабфака ЛГУ, выдающийся ученый-этнограф В. Г. Богораз, сообщал о «18-й группе» рабфака ЛГУ и неблагоприятных условиях их проживания в общежитии (В. Б-Т, 1927). Рабфак ЛГУ и его общежитие находились на Васильевском острове в Ленинграде (Весь Ленинград на 1925 год...; Солнышкин, 2023). Исходя

из этого, «18-я» группа северного рабфака могла находиться в указанном районе Ленинграда. А. В. Ахметова пишет о том, что «в 1925 г. был создан Северный рабочий факультет (рабфак) ЛГУ в Детском Селе около Ленинграда (Детское Село), который представлял собой небольшую «18-ю группу» рабфака Ленинградского государственного университета» (2012, с. 149). Е. Лярская (2016) также упоминает путаницу при указании образовательных учреждений 20-30-х гг. В связи с вышеуказанным необходимо более подробно остановиться на истории учебных заведений, в которых обучались северяне в 20-е гг. XX в.

Рабфак ЛГУ (1925-1926 уч. г.)

В 20-е годы XX в. реализация замысла В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина (Алькора) по обучению представителей северных народов на рабфаке в Ленинграде представлялась практически невыполнимой по ряду причин. Во-первых, требовались большие финансовые затраты на длительный проезд из районов Севера в Ленинград и содержание учащихся в учебном заведении. Во-вторых, непросто было отыскать молодых юкагиров, эвенов, нивхов и пр., готовых отправиться на учебу в незнакомый для них мир. В-третьих, крайне сложным казалось в кратчайшие сроки подготовить для работы на Севере специалистов в области советского строительства, педагогики, кооперации из неграмотных, полуграмотных оленеводов, охотников и рыбаков (Воскобойников, 1958).

Однако несмотря на вышеуказанные трудности, в 1925-1926 уч. г. в ЛГУ открылась 18-ая группа рабфака, в которой стали обучаться слушатели из районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Его называли «Туземным Рабфаком» (Устроение туземных народностей..., 1926, с. 83), северным рабфаком (В. Т.-Б., 1927), северным отделением ЛГУ (Кононов, Иориш, 1977). Известно, что рабфак ЛГУ находился на Васильевском острове на 10 линии 33/35 (Весь Ленинград на 1925 год...).

Многие прибывшие на рабфак были неграмотными, некоторые из них оказались подростками (Ванюта и Вылка (12 и 13 лет)) (В. Т.-Б., 1927; Воскобойников, 1976). В отношении количества учащихся рабфака называются разные цифры. Так, в статье В. Т.-Б. (Богораза) «Северный рабфак» говорится о том, что в нем обучалось 30 человек, из них «малых народностей севера СССР ... 21» (1927, с. 52). М. Г. Воскобойников (1958) пишет о том, что на учебу приехало 26 человек, из них 19 были представителями северных этносов.

Отправкой в Ленинград на учебу занимались региональные Комитеты Севера. В статье «Дыхание Севера» М. Г. Воскобойников приводит текст письма, адресованный т. Баханову, председателю родового совета: «В Ленинграде будет открыт рабфак северных народностей. Туда вы должны послать тунгусов Барановых Пантелеймона и Бадму, Маркунова Степана. Обеспечьте их одеждой, обувью, выдайте каждому по пятьдесят рублей на проезд до Верхнеудинска. Их ждут к 15 августа 1925 года в Ленинграде. Все расходы от Верхнеудинска до Ленинграда будут оплачены Советом народных комиссаров Бурятской автономной республики. В Верхнеудинск им следует прибыть к 20 июля 1925 года. Уполномоченный Комитета Севера при БурЦИКЕ Ф. Комарицын» (Воскобойников, 1976, с. 149).

Для материальной поддержки учащихся НКПрос (Народный комиссариат просвещения) выделил рабфаковцам 26 стипендий, сумма оказалась небольшой (Устроение туземных народностей..., 1926). Стипендия в месяц со всеми вычетами составляла 18 рублей, дополнительно к ней Комитет Севера выдавал 5-10 рублей. Однако из-за неумения обращаться с деньгами, случавшихся потерь и краж денежных средств, обедненных талонов, кооперативных карточек рабфаковцы часто не могли приобрести одежду, сходить в баню, купить еды (В. Т.-Б., 1927).

Общежитие рабфака находилось в доме № 66 на 5-й линии Васильевского острова. В нем были столовая, парикмахерская, прачечная, библиотека (Солнышкин, 2023). Из-за плохого отопления в жилых комнатах было холодно и сыро. Слушатели туземного рабфака жили по шесть человек в пяти комнатах, в каждой из которых были кровати, стол и несколько табуретов.

Адаптация рабфаковцев в Ленинграде проходила с большими сложностями. Болезни, непривычный рацион питания (овощи, каши, недостаточное количество мяса и рыбы), городскую среду, необычную обстановку (учеба, помещение) бывшие таежники и тундровики переносили тяжело (Богораз-Тан, 1935; Гаген-Торн, 2002). Приходилось часто вызывать квартирного врача и скорую помощь (В. Т.-Б., 1927).

Тем не менее, несмотря на трудности, первый год обучения показал результативность избранного подхода идеологов кадровой стратегии В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина. Она выражалась в начавшемся плодотворном сотрудничестве студентов-этнографов ЛГУ и учащихся северного рабфака ЛГУ. В. И. Цинциус пишет: «...по приглашению профессорско-преподавательского состава учащиеся-северяне приходили на занятия для того, чтобы русские студенты Университета могли слышать их живую речь, научились ее записывать и проводить с помощью преподавателей разбор текста, выявляя незнакомые слова и новые грамматические формы» (1956, с. 12). А рабфаковцы, в свою очередь, получали разговорную практику в освоении русского языка. Учащиеся, лучше всех овладевшие русским языком, оказывали помощь преподавателям при работе с рабфаковцами. Так, например, Я. П. Кошкин (Алькор) и Г. М. Василевич для изучения грамматики эвенкийского языка привлекали Полтеева (баргузинский эвенк). Он и А. и. В. Салаткины (киренские эвенки) помогали Я. П. Кошкину в работе над проектом алфавита для эвенков (Ермолова, 2003; Омельчук, 2006).

Другим примером совместной деятельности учащегося и преподавателя является работа Пантелеймона Баранова в качестве информанта под руководством доцента Н. Н. Поппе. Рабфаковец Баранов и Н. Н. Поппе начали заниматься в ноябре-декабре 1925 г. и частично весной 1926 г. (Поппе, 1927). Баранову приходилось многократно повторять слова и фразы для того, чтобы ученый мог определить диалектные особенности эвенкийского языка. В итоге в 1927 году Н. Н. Поппе опубликовал «Материалы для исследования говора баргузинских тунгусов» (Воскобойников, 1976).

Другой важной частью обучения на северном рабфаке в 1925 году стала организация северного кружка, который в дальнейшем под разными названиями функционировал на рабфаке ЛИЖВЯ, Севфаке ЛВИ им. А. С. Енукидзе, ИНСе. В нем была заложена традиция обсуждения учащимися, преподавателями, учеными, государственными и общественными деятелями проблем культурного, экономического, идеологического, социального, гуманитарного характера. Благодаря деятельности северного кружка появились первые рукописные газеты, а затем печатные издания «Тайга и тундра» (1928), «О нашей жизни» (1929).

Учащиеся в 1925/1926 учебном году под руководством Я. П. Кошкина занимались изучением родного края и обсуждали разные вопросы. Одним из достижений первого года обучения рабфаковцев стало то, что впервые в истории своих народов они были авторами письменных текстов на пяти родных и русском языках для стенгазеты «Тайга и Тундра», для написания этих текстов они использовали кириллический и латинский алфавиты (Устроение туземных народностей..., 1926). Так, например, Хабаров написал на алеутском языке, а тунгус (эвенк) Салаткин подчеркивал: «...мы теперь дорожим своим родным Комитетом Севера, давшим нам эту возможность пуше, чем иностранцы своей Лигой Наций» (В. Т.-Б., 1927, с. 60).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что при осуществлении кадровой стратегии Богораза, Штернберга и Кошкина были как успехи, так и сложности.

К достижениям можно отнести некоторые продвижения в образовательном процессе. Так, например, 23-го апреля 1926 г. на Пленуме Комитета Севера с докладом о состоянии дел на Рабфаке ЛГУ выступил П. Г. Смидович. Итоги работы учебного заведения внушали оптимизм. Во-первых, учебный план был освоен, о чем свидетельствуют следующие цифры: 20 человек из 26 подготовительного курса переводили на 1-й курс, 4 человека на 2-й курс, на подготовительном отделении из-за болезни оставались 2 учащихся. Во-вторых, предполагался набор рабфаковцев на следующий год: значительная часть будущих слушателей должна была состоять из тунгусов (эвенков, эвенов), самоедов (ненцев) и чукчей. В-третьих, в планах Комитета Севера намечалось расширение рабфака ЛГУ за счет открытия второго отделения (Устроение туземных народностей..., 1926).

Тем не менее у северного рабфака обнаружились и проблемы. Об этом говорилось на совещании Комитета Севера (весна 1926 г.) при ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет), в котором принимали участие местные Комитеты Севера, представители Совнацмена Н. К. П. (Совет по Просвещению национальностей нерусского языка Народного комиссариата просвещения), где вновь поднимались вопросы о деятельности северного рабфака ЛГУ и улучшении материального положения слушателей. По итогам обсуждения Комитетом Севера были приняты следующие решения: 1) приравнять размер стипендии учащихся рабфака размеру в специальных учебных заведениях при ЦИК (Центральный исполнительный комитет) СССР; перевести Северный рабфак из ЛГУ в Ленинградский институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ); увеличить прием на 1926/1927 уч. г. до 60 человек. Все решения утвердил ЦИК СССР, т. е. было запланировано выделение средств на ремонт учебного здания, общежитие и содержание слушателей, поэтому Ленинградское филиальное отделение (ЛФО) Комитета Севера в целях реализации принятых решений обратилось к руководству ЛИЖВЯ о целесообразности перевода северного рабфака ЛГУ в их институт, мотивируя это общностью целей и задач в подготовке кадров (В. Т.-Б., 1927; Кононов, Иориш, 1977). Таким образом, состоялся перевод рабфака ЛГУ на рабфак ЛИЖВЯ.

Рабфак ЛИЖВЯ (1926/1927 уч. г.)

При открытии ЛИЖВЯ (Ленинградский институт живых восточных языков) назывался Центральным Институтом Живых Восточных языков, затем ПИЖВЯ (Петроградский институт живых восточных языков (1922), ЛИЖВЯ (1924) и ЛВИ (Ленинградский восточный институт) им. А. С. Енукидзе (1927). В данном институте готовили специалистов-востоковедов в области политики, экономики, педагогики, дипломатии и пр. В нем преподавали известные профессора и преподаватели с мировым именем: В. Л. Котвич (монгольский язык), А. А. Фрейман (персидский язык), Н. И. Конрад (японист), Гр. Еф. Грумм-Гржимайло (специалист по истории и этнографии Центральной Азии). В Положении о ЛИЖВЯ (1925) говорилось, что в нем ведется обучение специалистов-востоковедов для работы на Востоке, научных работников для вузов с восточным направлением, культурно-научных деятелей из числа народов Востока (Кононов, Иориш, 1977, с. 53). ЛИЖВЯ находился в Максимилиановском переулке (ныне пер. Пирогова), д. № 7 (Весь Ленинград на 1926 год...).

После обращения ЛФО Комитета Севера к руководству ЛИЖВЯ о необходимости переноса обучения северного рабфака ЛГУ в ЛИЖВЯ комиссия в составе П. И. Воробьева, В. Г. Богораз-Тана, А. П. Кошкина, А. Н. Самойловича, А. П. Колумбуса, Л. И. Веселаго и Н. Г. Таланова подготовила доклад об его учреждении в названном институте. Результатом работы комиссии стало принятое правлением ЛИЖВЯ постановление о создании рабфака с североазиатским и восточным секторами численностью в 130 человек, внесение в смету статей расходов на ремонт и оборудование учебного помещения, общежития, стипендии и содержание учебного персонала (Кононов, Иориш, 1977). После этого началась организационная работа по открытию северного рабфака в ЛИЖВЯ. С июня 1926 г. решением хозяйственных вопросов в институте занимался его сотрудник Н. Г. Таланов (В. Т.-Б., 1927).

Далее следует привести некоторые факты, раскрывающие особенности реализации кадровой стратегии В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина в 20-е годы. Центральный Комитет Севера разослал в местные организации северных регионов информацию о приеме на северное отделение Рабфака ЛИЖВЯ (64 человека) (Кононов, Иориш, 1977). В разверстке сообщалось о количестве мест для каждого региона в 1926/1927 уч. г., выражалось пожелание о том, чтобы на учебу присылали грамотных северян. Но последнее, как и в первый набор в ЛГУ, оказалось непростой задачей: большая часть северян была неграмотна, некоторых пугала дальняя дорога и они оставались в местных техникумах, кому-то поехать на учебу в далекий Ленинград не позволяло здоровье. Таким образом, на учебу в ЛГУ прибывали в основном сироты (В. Т.-Б., 1927).

В 20-е гг. XX в. дорога в Ленинград из районов Севера, Сибири и Дальнего Востока занимала несколько месяцев. Учащиеся приезжали на рабфак в ЛИЖВЯ, по словам В. Г. Богораза, без средств к существованию, и им также, как и ранее рабфаковцам ЛГУ, выдавали пособие. Большинство приехало в малицах, пимах, треухах, «меховых лоскутках и лохмотьях» (В. Т.-Б., 1927, с. 57). По приезде будущих рабфаковцев временно поселили в комнате Марии Павловны (Романовой) (Екатерининский дворец) на т. н. «карантин». В качестве формы выдали толстовку с брюками или юбками из черного сукна (В. Т.-Б., 1927, с. 57). В дальнейшем для учащихся было отремонтировано учебное помещение, оно было просторным и светлым. На первом этаже находились столовая, преподавательская, канцелярия, раздевалка, второй этаж занимали 10 учебных аудиторий, третий этаж был отдан под общежитие (В. Т.-Б., 1927). Согласно адресной книге Ленинграда за 1927 год, оно находилось по адресу: Детское село, ул. Коминтерна, С. 3. ж. д., д. 53 (ныне Оранжерейная улица) (Весь Ленинград на 1927 год...).

Первый учебный день в ЛИЖВЯ состоялся 11 октября 1926 г. На обучение прибыли с разным уровнем образования: неграмотные, самоучки, окончившие несколько классов школы, поэтому их распределяли по группам в соответствии с их образованием. На подготовительном курсе было шесть групп (50 человек, из них неграмотных – 14), на 1-м курсе две группы (16 человек), 2-й курс состоял из одной группы (8 человек). Помимо общеобразовательных предметов рабфаковцы изучали политграмоту и животноводство. Всего в 1926/27 уч. г. на северное отделение Рабфака ЛИЖВЯ приехало 52 человека: 26 тунгусов (эвенки, эвены), пять гольдов (нанайцев), одна камчадалка, три гиляка (нивха), один чукча, один юкагир, семь самоедов (ненцев), трое кето, четыре остяка (селькупы, ханты), один вогул (манси). К ним присоединили 14 рабфаковцев ЛГУ, из которых было три тунгуса (эвенки/эвены), один алеут, один кето, четыре остяка (селькупы, ханты), четыре самоеда (ненцы), один лопарь (саами). Остальные рабфаковцы ЛГУ остались доучиваться на прежнем месте учебы или отправились в годовой отпуск. Кроме того, на обучение в сам институт из-за достаточного объема знаний были зачислены тунгус (эвенк) Салаткин, работавший прежде на родине в школе, и юкагир Спиридонов, переведенный из ЛГУ (В. Т.-Б., 1927, с. 59).

Распорядок дня рабфаковцев включал в себя подъем в 8 часов, гимнастику, утренний чай. Занятия начинались в 9 утра и длились по 50 минут, обед был в 4 часа, после него ходили на прогулку, занимались в кружке и клубе (В. Т.-Б., 1927). Преподаватели занимались со студентами дополнительно во внеучебное время. Учителями на рабфаке трудились В. П. Андреева-Георг (русский язык), М. К. Орбели (математика) (Воскобойников, 1976).

Из-за отсутствия учебников преподавателям приходилось создавать рукописные тексты для чтения, по грамматике, позже для их копирования и тиражирования использовали шапирографы и стеклографы (Цинциус, 1956). Г. М. Василевич сообщила, что рабфаковцы эвенки, прибывшие в 1926-27 уч. г., начали составлять «свои первые книги» (2022, с. 47). Основной целью учебных текстов была дидактическая. Это были тетради с текстами для чтения. Они решали несколько задач. Во-первых, данные записи должны были быть понятны эвенкам из разных регионов Сибири и Дальнего Востока, поэтому в них старались включать общеизвестную лексику. Во-вторых, «книжки» можно было использовать для обучения неграмотных. В-третьих, условно печатное слово на родном языке являлось эффективным средством борьбы с шаманами и т. н. кулаками в деле установления советской власти на Севере. По словам Василевич (2022), размноженные стеклографическим способом тетради («книжки») учащиеся развезли по родной тайге во время каникул, выполняя просветительскую деятельность на Севере.

Также у рабфаковцев была насыщенная культурная жизнь. Для них проводились экскурсии и лекции, они посещали театры, кино, читали художественную литературу. Богораз описывает один из вечеров на рабфаке: «Войдешь в здание – тепло, светло, чисто, по коридорам суета, – бегают, играя в пятнашки, маленькие самоеды Ванюта и Вылка (12 и 13 лет) с не более великовозрастными танну-тувинцами. Где-нибудь в уголке сидит, кормя грудью своего младенца, гилячка. Гиляк Могуч приехал учиться со всем своим семейством – жена и два сына (старшему 4 года); жена тоже учится. То и дело хлопают входные двери, – уходят гулять. ... Заглянешь в кабинеты – сидят тихо, читают, пишут, рисуют, – рисовать все любят» (В. Т.-Б., 1927, с. 62).

В 1927 году (1926-1927 уч. г.) североазиатская группа Яфетического семинария была преобразована в Североазиатский семинарий, возглавляемый В. Г. Богоразом. В семинарии занимались подготовкой культурно-научных деятелей, оказанием помощи европейско-азиатским республикам при организации местных научных центров в сфере национальных культур. Срок обучения в семинариях ЛИЖВЯ предусматривал 3-х годичное обучение: 1-й год – обзорные лекции, лабораторные, семинарские занятия; 2-й год – специализация по лингвистическому, литературному, этнографическому, историческому направлениям; 3-й год – самостоятельная работа по избранной специальности с руководителем. В Североазиатский семинарий входили три отделения: северофинно-угорский, тунгусский, палео-азиатский. Профессор В. Г. Богораз-Тан читал курсы «Специальный курс оленеводства», «Полярная культура», профессор П. И. Воробьев – «Маньчжурский язык», «Маньчжурская культура», доцент Я. П. Кошкин – «Тунгусский язык», «Тунгусская культура» (Кононов, Иориш, 1977).

В стенах ЛИЖВЯ продолжилась деятельность северного объединения (северного кружка). Рабфаковцы обсуждали проблемы, связанные с работой Комитета Севера, а также вели подготовку к IV расширенному пленуму Комитета Севера. Она состояла в том, что члены комиссии советского строительства, кооперативно-экономической, культурно-просветительской беседовали с рабфаковцами, просили их предоставить письменно материалы о положении дел на Севере в разных сферах. Затем по каждому направлению после обсуждения со слушателями принимались соответствующие постановления. Итогом такой работы стал Наказ Пленуму от учащихся ЛИЖВЯ (Диодоров, 1928).

В 1927 году (1926/1927 уч. г.) на расширенном Пленуме Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (28.02 – 05.03) А. В. Луначарский в докладе «Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере» дал высокую оценку деятельности северного рабфака, назвав его «чудом» (1927, с. 21). Привлечение специалистов к работе на Севере, по его словам, должно было способствовать достижению серьезных результатов. Он также указывал на необходимость скорейшего создания у народов Севера письменности (Луначарский, 1927).

На Пленуме также поднимались проблемы образования. Неполный список этих проблем включал в себя – содействие в расширении Северного факультета ЛИЖВЯ (реорганизованного рабфака в феврале 1927 года) в целях ускорения выпуска специалистов по советскому строительству, культурно-просветительному делу и кооперации (обращение в Президиум ЦИК Союза ССР); оплата студентам проезда домой на летние каникулы для сохранения связи с малой родиной; усиление работы по созданию букварей и книг для чтения на родных языках для школ Севера (Расширенный Пленум Комитета..., 1927). На Пленуме присутствовали студенты Северного семинария ЛИЖВЯ Спиридонов (юкагир) и Салаткин (тунгус), слушатели рабфака Ниргунеев (орочон) и Ельпин (остяк), в журнале «Северная Азия» (1927, № 3) на обложке размещена их совместная фотография. В апреле 1927 г. учащиеся разъехались на каникулы для работы среди своих сородичей, т. е. разъяснять политику советской власти.

В ЛИЖВЯ сохранилась традиция создания рукописной стенгазеты под названием «Енукидзовец». В ней имелись разделы «Наш быт», «Работа на местах», «Кружковая работа», отчеты о проделанной работе, главным редактором был учащийся тунгус Икимдинский (вероятно, псевдоним). Рабфаковцы принимали активное участие в написании материалов для нее, поэтому редакторы вели отбор наиболее качественных из них. М. Г. Воскобойников сообщал о том, что Пантелеймон Баранов писал статьи для газеты. Он писал о встрече Богораза с рабфаковцами в Екатерининском парке, Хабарове и Вануйто (Воскобойников, 1976). Отличительной чертой стенгазеты было то, что иллюстрации к ней рисовали сами рабфаковцы. Впоследствии журналы и книги также иллюстрировали студенты (В. Т.-Б., 1927). В 1926/27 учебном году в Ленинграде преподаватель А. К. Подгорская предложила студентам младших курсов написать рассказы о своей жизни.

Как уже указывалось ранее, северное отделение рабфака ЛИЖВЯ было реорганизовано в Северный факультет, что диктовалось необходимостью повышения качества подготовки будущих специалистов. Закономерно, что организация учебного процесса также подверглась пересмотру, поэтому обратимся к особенностям процесса обучения на Северном факультете в 1927-1928 гг.

Северный факультет ЛВИ (переименование ЛИЖВЯ) им. А. С. Енукидзе (1927/1928 уч. г.)

В феврале 1927 г. (1926/1927 уч. г.) было принято решение о преобразовании рабфака северных народностей в Северный факультет, и в соответствии с этим в 1927/1928 учебном году обновилась образовательная программа, учитывающая потребности районов Севера. Предполагалось 4-х летнее обучение. Из них два года отводилось на общие предметные курсы, затем – 2-х летняя специализация по хозяйственно-кооперативной, педагогической, советской деятельности, культурно-просветительной деятельности для наиболее успевающих учащихся (Кононов, Иориш, 1977).

По словам А. Н. Кононова и И. И. Иориш, на Севфаке имелось все необходимое для полноценного учебного процесса: кабинет национальной культуры, музей рисунка северных народностей и библиотека. Также отмечали работу предметных комиссий под руководством профессора Н. П. Каменщикова (математика), профессора Н. П. Андреева (русский язык), Я. П. Кошкина (национальные языки и национальная культура), В. Я. Касаткина (обществоведение). Важной частью пребывания рабфаковцев в ЛИЖВЯ являлось посещение кружков текущей политики, эсперанто, советского строительства, радио, музыкального, хорового, физкультурного и др. (Кононов, Иориш, 1977). Северный факультет находился в здании Духовной Академии по адресу: Обводный канал, д. 17 (Весь Ленинград и Ленинградская область на 1928 год).

Как известно, эффективная подготовка кадров во многом определяется содержанием учебных планов. О различии в подходах к образовательному процессу говорится в статье В. О. Неруш «Учебные планы для “северян”: об одном межведомственном конфликте в Ленинграде в 1925-1930 гг.» (2021). В условиях ускоренной подготовки специалистов для районов Севера, Сибири и Дальнего Востока Комитет Севера ратовал за их практикоориентированное обучение, а руководство института исходило из формальных соображений, т. е. предметное наполнение не должно отличаться от других рабфаков (Неруш, 2021). К. Я. Лукс, назначенный на должность первого ректора ИНСа, писал в 1929 году о деятельности Северного факультета: «Учеба получилась книжная; тенденция рассматривать свое пребывание на Севфаке не как подготовку к работе на Севере, а как преддверие в вуз, росла...» (1930, с. 131).

На Северном факультете ЛВИ им. А. С. Енукидзе продолжается деятельность Северного Кружка (ранее северного объединения). Согласно Положению, его деятельность носила прикладной характер. Так, например, учащиеся должны изучать этнографию, географию, экономику районов Севера, популяризировать исследования о народах Севера. Для решения поставленных задач требовалось совместное обсуждение докладов кружковцами, установление связи с местными учреждениями, издание журнала «Тайга и тундра» (Диодоров, 1928).

Активность учащихся проявилась в создании трех секций: тунгусо-маньчжурской, палео-азиатской, угрофинно-самоедской; обсуждении смены официальных названий северных народов на собственные самоназвания; подготовке к V пленуму Комитета Севера, на который делегировали алеута В. Хабарова, тунгуса (эвенка) Д. Диодорова, гиляка (нивха) Могуча, остяка (ханты) Алачева (Севфак), тунгуса (эвенка) Комарицына (Северный Семинарий ЛВИ) (Диодоров, 1928). Важным результатом функционирования Северного Кружка стало издание сборника «Тайга и Тундра» в 1928 году. На его первых страницах опубликовали воззвание учащихся, подчеркивающее положительные изменения в культуре северных этносов: «Все статьи написаны

студентами Севфака. Это в первый раз северные туземцы, некультурные, бесписьменные, пишут о себе сами. До сих пор об них писали другие. Пишут по-русски, но иные из них могли бы написать на собственном родном языке особым алфавитом, приспособленным к латинской основе» (От редакции, 1928, с. II).

Несмотря на то, что образовательный процесс на рабфаке ЛИЖВЯ был так или иначе отрегулирован, Правление ЛВИ им. А. С. Енукидзе весной 1928 г. создало комиссию для рассмотрения вопроса о целесообразности нахождения Северного факультета в институте. В ее состав вошли П. И. Воробьева, академик С. Ф. Ольденбург и профессор В. Г. Богораз-Тан. Мнения по этому поводу разделились. Воробьев считал, что Северный факультет самодостаточен как образовательное учреждение, не связан с востоковедением и поэтому дальнейшее его нахождение в ЛВИ им. А. С. Енукидзе не имеет серьезных оснований. В. Г. Богораз, напротив, утверждал, что только в ЛВИ им. А. С. Енукидзе Северный факультет сможет получить дальнейшее развитие, но если пребывание в ЛВИ Северного факультета не представляется возможным, то возможно его отделение из состава института (Кононов, Иориш, 1977, с. 112). Последнее и произошло уже через два года.

Северный факультет ЛВИ им. А. С. Енукидзе (1928/1929 уч. г.)

В 1928/1929 уч. г. был открыт прием на Северный факультет на отделения советского строительства, кооперативное, педагогическое. Срок обучения – четырехлетний (Кононов, Иориш, 1977, с. 111). Работа северного кружка продолжалась, но, по мнению студента Диодорова, руководители Севфака «стремились ослабить его работу» (1930, с. 9), причины им не указываются.

Актуальным для руководства ЛВИ им. А. С. Енукидзе оставался вопрос о качестве образовательного процесса, т. е. учебные планы факультета должны соответствовать программе высшего образования. Весной 1929 г. на одном из заседаний правления института П. И. Воробьев высказал мнение о том, что северный факультет должен стать «школой повышенного типа» для того, чтобы выпускники туземных школ смогли получать профессиональную квалификацию (Кононов, Иориш, 1977, с. 111).

В 1929 году перед ЛВИ им. А. С. Енукидзе встал вопрос о его объединении с МИВ (Московский институт востоковедения). В связи с этим Ученый Комитет и Комитет Севера предложили правлению института рассмотреть вопрос о выходе северного факультета из ЛВИ им. А. С. Енукидзе. Мнения по этому поводу вновь разделились. Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, П. И. Воробьев, М. С. Лозовский считали, что Северный факультет необходимо оставить в ЛВИ им. А. С. Енукидзе, а В. Г. Богораз-Тан, Кульбешеров (зам. председателя Учкома ЦИК СССР), Рейтер (ректор Коммунистического университета трудящихся Востока) и Мицкевич (директор Музея революции) высказались за его самостоятельный статус.

Противоположные точки зрения относительно дальнейшего функционирования Севфака, по мнению И. В. Сидорчука (2018), вызваны различиями в подходе к осуществлению культурной революции на Севере, недостаточностью знаний севфаковцев, дороговизной содержания Северного факультета, отсутствием учебной литературы, противостоянием между «северниками», стремившимися к административной автономии, и противодействовавшими им «восточниками». Но, тем не менее, время было революционным во всех отношениях, и кадровая стратегия этнографической школы В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина, несмотря на критику, порой небезосновательную, получала господдержку.

Институт народов Севера (1929-1930)

Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями при ЦИК Союза ССР принял Постановление о реорганизации Северного факультета ЛВИ им. А. С. Енукидзе в самостоятельный Институт народов Севера, и в декабре 1929 г. началось его практическое воплощение. С появлением ИНСа принципы кадровой стратегии в образовательном процессе В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина получили свою реализацию на новом качественном уровне. А. Н. Кононов отмечал, что «северный факультет ЛВИ, просуществовавший три с лишним года, несомненно, сыграл положительную роль в подготовке специалистов для работы на Крайнем Севере» (Кононов, Иориш, 1977, с. 113).

Первым ректором ИНСа в 1929 г. назначили Карла Яновича Лукса, и в январе 1930 г. состоялось открытие института народов севера (Воскобойников, 1958, с. 53). Учащиеся продолжили обучение на Обводном канале, д. 17, в здании Духовной Академии. В программной статье Лукса «Институт народов Севера, его место и задачи» (1930) говорится о североведческой специфике учебного заведения; отмечены недостатки в работе Севфака ЛВИ им. А. С. Енукидзе; изложены основные направления работы учебного заведения: 1) подготовка туземных партийных работников; 2) открытие индустриально-промышленного уклона; 3) организация ячейки высшего учебного учреждения для подготовки педагогов, лингвистов, литработников; 4) научно-исследовательская работа. Кроме того, предполагалась издательская деятельность.

К. Я. Лукс дальновидно предполагал, что «самым опасным и вредным в воспитательной работе Института было бы увлечение внешней стороной, городским “лоском”, и утрата приспособленности жить и работать на Севере. Студенты Института, прожив в городе от 3 до 4 лет, должны сохранить способность вернуться на Север и жить там, не отрываясь от массы своего народа» (Лукс, 1930, с. 133-134). По его мнению, миссия ИНСа – выпуск специалистов-практиков, поэтому для продуктивного обучения необходимо создать благоприятные условия: оснастить кабинеты и лаборатории, поддерживать связь с Комитетами Севера, организовать шефство ленинградских организаций над институтом (обмен опытом, выезды сотрудников института на Север для корректировки работы). Ректор ИНСа подчеркивал, что учебное заведение союзного значения позволит централизованно решать проблемы в области лингвистики, школьного обучения, советского строительства и пр. Он писал: «Учеба в центре будущего туземного актива обеспечивает ему (активу) такой темп политического и культурного роста, какой немислимы на местах» (Лукс, 1930, с. 136).

В марте 1930 г. вышло Положение об Институте народов севера при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР (Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета). В нем были определены цели ИНСа: подготовка кадров по советскому и культурному строительству, кооперативно-хозяйственному, индустриально-промысловому направлению для районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Их реализация предусматривала четырехлетнее обучение на следующих отделениях: советско-партийном, кооперативно-хозяйственном, индустриальном, отделении культурного строительства; временный подготовительный курс; открытие северо-азиатского семинария с трехлетним сроком обучения (высшее образование); создание лабораторий, музея, кафедр, издательства, научно-исследовательской ассоциации, различных комиссий (Постановление Президиума ..., 1930).

На VII расширенном пленуме Комитета Севера, проходившем с 21 апреля по 30 апреля 1930 г., об ИНСе было сказано: «Институт Народов Севера должен быть учебным заведением, научным институтом и академией малых народов Севера; он должен быть всеобъемлющим центром их интеллектуальной жизни и культуры» (Скачко, 1930b, с. 20). Присутствовавшие на мероприятии студенты ИНСа выступили с просьбой о присвоении институту имени Петра Гермагеновича Смидовича, государственного деятеля, внесшего большой вклад в развитие районов Севера, Сибири и Дальнего Востока (На VII расширенном пленуме..., 1930). Пожелание студентов было выполнено.

Таким образом, деятельность северных рабфаков ЛГУ, ЛИЖВЯ, Северного факультета ЛВИ им. А. С. Енукидзе, ИНСа свидетельствует о стремительном развитии и преемственности на протяжении всех 20-х гг. XX в. образовательного процесса, направленного на подготовку кадров для Севера. Проводимая на протяжении пяти лет последовательная реорганизация названных учебных заведений показывает непрерывность поиска приемлемых решений в период становления системы профессионального образования для формирования кадров с советским мировоззрением на Севере с целью его советизации.

Если говорить о самоощущении студентов-северян в Ленинграде, то нельзя не сказать, что учащиеся северных рабфаков ЛГУ, ЛИЖВЯ, Северного факультета ЛВИ им. А. С. Енукидзе, выросшие в традиционном обществе, испытывали многочисленные трудности. Для них были непривычны одежда, мебель, пища, городской шум, гладкие дороги. Так, например, эвенкийский автор Григорий Чинков, студент ИНСа 30-х гг., передает впечатления от встречи с городом: «На Московский вокзал / когда я вышел, / не знал пути, не зная, стоял. // Стоял так вот, / в обе стороны смотрел: / на родину-землю никак не похоже. // Стоя вот так, / Я стал догадываться: / «Горы тайги, – думал я, – / Каменными домищами стали» // Посредине улиц / шумом шумя / как волны волнуясь, толпа двигалась» (Чинков, 1938, с. 53-54). С другой стороны, были значительные положительные результаты. К ним следует отнести появление письменных текстов в стенгазетах, сборниках «Тайга и тундра», «О нашей жизни», участие в общественной жизни, привлечение молодежи к просветительской работе на Севере.

Результаты кадровой стратегии В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина

В контексте государственной политики советского государства 20-30-х годов изменения в жизни народов Севера были неизбежны. По прошествии 100-летнего периода можно сказать, что кадровая стратегия этнографической школы В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина, несмотря на сложности, связанные с пребыванием рабфаковцев, севфаковцев, инсовцев в Ленинграде (болезни, городская среда, сырой климат, реорганизация учебного процесса), во многом оказалась плодотворной.

К достижениям реализуемой кадровой политики относятся проведение социальных, экономических и культурных преобразований на Севере в 20-30-е годы с участием молодых этнографов, учащихся, выпускников рабфака, Севфака, ИНСа. Ими создавалась новая культурная среда: письменность, издание литературы на языках народов Севера, открытие школ, культбаз (культурные базы), ППО (простейшие производственные объединения) и пр. Все мероприятия осуществлялись в тесном взаимодействии с Комитетом Севера.

Ценность кадровой стратегии Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, Я. П. Кошкина состоит в том, что были заложены основы такого научно-практического направления, как североведение. С 20-х годов прошлого века началась планомерная и системная работа в области изучения языков, фольклора, литературы, истории народов Севера, социологии и экономики районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Молодые этнографы-исследователи 20-30-х годов выросли в крупных ученых-североведов, работы которых остаются востребованными и сегодня.

Так, например, Г. М. Василевич прошла знаменательный и эпохальный путь от ученицы этнографической школы Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, Я. П. Кошкина до доктора исторических наук, оставшись до конца верной ее принципам. Она владела эвенкийским языком, принимала участие в создании письменности, совершила 11 этнографических экспедиций ко многим субэтническим группам эвенков, преподавала в ЛГУ, ЛВИ им. А. С. Енукидзе, ИНСе, ЛГПИ им. А. И. Герцена, написала около 200 работ по языку, истории и этнографии, в т. ч. учебники для школ, была наставником и редактором первых эвенкийских литераторов, взрастила несколько поколений специалистов для районов Севера (Таксами, 1971). Труды Г. М. Василевич до сих пор не теряют своей актуальности, являясь важным источником для тунгусоведов, историков и этнографов.

Научная биография Г. М. Василевич характерна и для других ученых-североведов, начинавших свою деятельность в 20-30-е годы XX века (Г. Н. Прокофьев, Е. П. Орлова, Ю. А. Крейнович, В. И. Цинциус и др.). Благодаря им в советский период сохранялась преемственность в подготовке кадров на рабфаках ЛГУ, ЛИЖВЯ, Северном факультете ЛВИ им. А. С. Енукидзе, в ИНСе им. П. Г. Смидовича, северном отделении ЛГПИ им. А. И. Герцена, факультете народов Севера ЛГУ. В настоящее время накопленные в научном мире знания

об окружающем мире, языке, быте, верованиях, искусстве народов Севера будут способствовать сохранению их оригинальной традиционной культуры. В некоторых случаях уже правильнее говорить о необходимости возрождения исчезающих культур.

Безусловно, в ходе установления советской власти в 20-30-е гг. XX в. в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока возникали разные проблемы: организация школьного образования, объединение оленеводческих хозяйств в артели, колхозы, проведение антирелигиозной борьбы и классовой дифференциации и пр. (Скачко, 1930а; Смидович, 1934; Убрятова, 1937).

Г. М. Василевич, ученый-этнограф (выпускница этнографического отделения Географического отделения (1925)), после экспедиции в 1960 году в Эвенкию в своей Докладной записке подробно изложила успехи советского строительства (наличие школ и детских садов, строительство жилья, клубная работа) в Эвенкии и проблемы, связанные с хозяйственной деятельностью, снабжением, культурным и медицинским обслуживанием, образованием, бытом. В частности, нехватка кадров в оленеводстве, скудность рациона питания из-за нехватки привычных продуктов (мясо, рыба), алкоголизация населения, переселение с привычных мест обитания (Василевич, 2022).

В конце 80-х годов стали подниматься и обсуждаться вопросы о необходимости сохранения духовной и материальной культуры народов Севера. Осознание кризиса общественностью обуславливало то, что были преданы забвению многие обычаи, исчезли элементы календарно-праздничной обрядности, снизился уровень владения родным языком. Согласно Переписи 1989 года, эвенкийским языком владело 33% респондентов, в 2010 году – 11,4% (Афанасьева, 2016).

В настоящее время культурные, образовательные, общественные организации инициируют различные проекты, направленные на поддержание традиций и языков народов Севера (конференции, языковые и литературные конкурсы, этнотуризм, просветительские проекты). И здесь в качестве связующей роли между поколениями могут выступать зафиксированные учеными этнографами, лингвистами, историками, учениками Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, Я. П. Кошкина традиционные знания в период их практического бытования.

Актуализация полевых материалов представителей этнографической школы разных поколений необходима во избежание неточностей и искажения информации о религиозных верованиях, обычаях, мировоззрении, при проведении ритуалов и празднеств. Сегодня, как видно из обзоров СМИ и социальных сетей и по моим наблюдениям во время посещения различных мероприятий этнической направленности, встречаются случаи, когда миф называют сказкой, объединяют элементы обрядов и именуют все действие названием какого-нибудь праздника, участницы музыкального коллектива надевают вместо женских мужские нагрудники и пр. Безусловно, с одной стороны, трансформация элементов традиционных культур неизбежна и возможна. С другой, – человек испытывает потребность в знании подлинной жизни своих предков (традиции, одежда, питание и пр.), поэтому сегодня при трансляции культур Севера необходимо проводить грань между аутентичностью и стилизацией.

Учитывая современные государственные задачи по развитию Арктики, подход к подготовке кадров, осуществленный в 20-30-е годы этнографической школой В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина, видится востребованным и сегодня и с определенными корректировками может быть актуализирован в настоящее время. Возможно, это будет целенаправленная подготовка специалистов в гуманитарных и технических училищах и вузах, при непосредственной государственной поддержке и поддержке профильных предприятий, для работы в арктических регионах (целевой набор абитуриентов, внеконкурсное поступление на соответствующие специальности, бесплатное обучение, обязательное обеспечение трудовым контрактом (работа в течение нескольких лет, социальные выплаты при переезде, предоставление служебной жилплощади)).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что кадровая стратегия Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, Я. П. Кошкина оказалась продуктивной в советские годы и ее практическое переосмысление сегодня может придать новый импульс развитию Арктики.

Заключение

Изучение деятельности В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина показало, что воплощение в жизнь принципов практикоориентированности их этнографической школы совместно с Комитетом Севера в сложных экономических условиях 20-30-х годов позволило реализовать беспрецедентный образовательный проект, направленный на подготовку этнографов и специалистов для работы в кочевых советах, школах, культбазах, ППО, кооперации в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Основной целью кадровой стратегии являлась необходимость проведения различных мероприятий по вовлечению северных этносов в советскую общность при непосредственном участии этнографов и самих представителей северных этносов. Ученые полагали, что ускоренное обучение представителей малочисленных народов Севера на рабфаке ЛГУ, рабфаке ЛИЖВЯ / Севфаке ЛВИ им. А. С. Енукидзе, ИНСе позволит выпускникам-североведам этнографического отделения ЛГУ эффективно и в кратчайшие сроки решить государственную задачу советизации Севера. Нужно сказать, что ожидания ученых оправдались. Расчет был верно сделан на то, что знание специалистами языков, обычаев, мировоззрения северных этносов вызовет больше доверия и минимизирует возможные конфликтные ситуации с местным населением при открытии школ, культбаз, создании родовых советов и пр.

В ходе исследования выявлено, что достижение целей кадровой стратегии требовало от ученых и Комитета Севера оптимальных решений при организации и проведении учебного процесса. Результатом этой работы стало открытие рабфака ЛГУ в 1925 году, перевод на рабфак ЛИЖВЯ его учащихся в 1926 году, реорганизация рабфака

ЛИЖВЯ в Северный факультет ЛВИ им. А. С. Енукидзе (переименование ЛИЖВЯ) в 1927 году, открытие ИНСа на базе Северного факультета ЛВИ им. А. С. Енукидзе в 1929 году. Данные преобразования прежде всего были связаны с необходимостью преемственности образовательных программ, качества обучения и жизни учащихся.

Проведенное исследование показывает, что благодаря самоотверженной деятельности в 20-30-е годы В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина (Алькора) на протяжении XX века сформировалась целая плеяда выдающихся ученых-североведов, учителей, этнографов, литераторов, общественных деятелей, внесших значительный вклад в изучение, сохранение исторического наследия северных народов. Сегодня очевидно, что в условиях исчезновения многих элементов традиционного знания, благодаря их трудам, деятельности энтузиастов и различных организаций все-таки остается возможной ревитализация языков и культур малочисленных этносов Севера.

Таким образом, опыт кадровой стратегии Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, Я. П. Кошкина продемонстрировал гибкость и продуктивность подхода к подготовке кадров, который можно использовать в современных условиях при формировании кадрового потенциала Арктики.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в более глубоком анализе проблематики, связанной с уточнением данных о пребывании в Ленинграде рабфаковцев ЛГУ, ЛИЖВЯ и учащихся Северного факультета, их трудоустройстве и жизни на Севере.

Материалы исследования | Research materials

1. Богораз В. Г. Тезисы к докладу профессора В. Г. Богораз-Тана на коллегии Народного комиссариата национальностей о народах Севера [30 марта 1923 г.] // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 87. Д. 231. Л. 7-9. Копия. Машинопись. 1923. <https://docs.history-russia.org/ru/nodes/38424#mode/inspect/page/4/zoom/8>
2. Весь Ленинград на 1925 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020047/view/#page=229>
3. Весь Ленинград на 1926 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020072/view/#page=201>
4. Весь Ленинград на 1927 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020161/view/?#page=7>
5. Весь Ленинград и Ленинградская область на 1928 год: адресная и справочная книга. <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020073/view/?#page=165>
6. Весь Ленинград и Ленинградская область на 1929 год: адресная и справочная книга. <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020019/view/?#page=1>
7. Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета. Положение об Институте народов севера при Центральном Исполнительном комитете Союза ССР. 1930. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/352081#mode/inspect/page/1/zoom/4>
8. Чинков Г. Родная тайга. Л.: Гослитиздат, 1938.

Источники | References

1. Афанасьева Е. Ф. Введение в тунгусо-маньчжуроведение. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2016.
2. Ахметова А. В. Образование и воспитание коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1920-1930-е гг. // Дискуссия. Журнал научных публикаций. 2012. № 10.
3. Богораз-Тан В. Г. Воскресшее племя. 1935. http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1935_voskr_plemya.shtml
4. Богораз-Тан В. Г. Ленинградский Географический Институт и подготовляемые им работники: тезисы докладов // Северная Азия. 1925а. Кн. 3.
5. Богораз-Тан В. Г. Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. 1925б. Кн. 3.
6. Богораз-Тан В. Г. Л. Я. Штернберг // Северная Азия. 1928. № 1.
7. В Комитете Севера при Президиуме ВЦИК. Расширенный Пленум Северного комитета совместно с делегатами XII Съезда Советов РСФСР 11 – 12 мая 1925 г. // Северная Азия. 1925. Кн. 3.
8. В. Т.-Б. Северный рабфак // Северная Азия. 1927. № 2.
9. Василевич, Г. М. Эвенки в советский период (из неопубликованных работ). СПб.: МАЭ РАН, 2022.
10. Вахтин Н. Б. «У истоков североведческого образования в Петербурге: созидатели в эпоху interregnum // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1.
11. Воскобойников М. Г. Дыхание Севера (К 50-летию Ленинградского института народов Севера) // Сибирские огни. 1976. № 5.
12. Воскобойников М. Г. Подготовка в Ленинграде педагогических кадров для школ народов Крайнего Севера // Просвещение на советском Крайнем Севере. В помощь учителю школ Крайнего Севера: сборник статей. Л.: Учпедгиз Министерства просвещения, 1958. Вып. 8.
13. Гаген-Торн Г. Ю. Нина Ивановна Гаген-Торн – ученый, писатель, поэт // Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2002. Вып. 1.

14. Диодоров Д. Северный краеведческий кружок ИНСа // Тайга и тундра: сборник. Л., 1930. Сб. № 2.
15. Диодоров Д. Северный кружок при Севфаке Л. В. И. // Тайга и тундра: сборник. Л., 1928. Сб. № 1.
16. Дюпин А. А. Реализация национальной политики советского государства в отношении коренных малочисленных народов Енисейского Севера в 1917-1991 гг.: автореф. дисс. ... к. ист. н. Красноярск, 2024.
17. Еремеева О. И. Институт народов Севера в 1930-е гг.: первые шаги // Известия Алтайского государственного университета. 2010. Т. 1. № 4.
18. Ермолова Н. В. Тунгусовед Глафира Макарьевна Василевич // Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М.: Вост. лит., 2003. Вып. 2.
19. Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК // Северная Азия. 1925. Кн. 1-2.
20. Кононов А. Н., Иориш И. И. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения. М.: Наука, 1977.
21. Лукс К. Я. Институт народов Севера, его место и задачи // Советский Север. 1930. № 1.
22. Луначарский А. В. Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере // Северная Азия. 1927. № 3.
23. Лярская Е. «Ткань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920-х – 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29.
24. На VII расширенном пленуме Комитета Севера // Советский Север. 1930. № 4.
25. Неруш В. О. Учебные планы для «северян»: об одном межведомственном конфликте в Ленинграде в 1925-1930 гг. // Гуманитарный акцент. 2021. № 1.
26. Омельчук А. К. Рыцари севера. Тюмень: Мандр и К., 2006.
27. От редакции // Тайга и тундра: сборник. Л., 1928. Сб. № 1.
28. Петров А. А. Исторические этапы развития Института народов Севера. 2023. <https://rep.herzen.spb.ru/publication/382>
29. Поппе Н. Н. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
30. Расширенный Пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (с 28/П по 5/Ш 1927 г.) // Северная Азия. 1927. № 3.
31. Сидорчук И. В. Основные проблемы реализации государственной стратегии подготовки кадров для северных окраин СССР в 1920-х годах (на примере Северного факультета Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 6. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-6-22-29>
32. Скачко Ан. Проблемы Севера // Советский Север. 1930а. № 1.
33. Скачко Ан. Седьмой пленум Комитета Севера // Советский Север. 1930б. № 4.
34. Смидович П. О перспективах социалистического строительства на Севере // Советский Север. 1934. № 4.
35. Смирнова Т. М. Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 2 (4).
36. Солнышкин А. А. Рабочий факультет Петроградского (Ленинградского) университета в 1922-1929 гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2023. № 4.
37. Тайга и тундра: сборник / Ленингр. филиальное отд-ние Ком-та Севера при Президиуме ВЦИК. Л., 1928. Сб. № 1.
38. Таксами Ч. М. Глафира Макарьевна Василевич: некролог // Советская этнография. 1971. № 5.
39. Убрятова Е. Неуклонно проводить ленинско-сталинскую национальную политику (на Таймыре) // Советская Арктика. 1937. № 12.
40. Устроение туземных народностей Советского Союза // Северная Азия. 1926. № 3.
41. Цинциус В. И. Развитие письменности и литературы народов Севера за 25 лет // В помощь учителю школ Крайнего Севера / сост. Ф. Ф. Кронгауз. Л.: Учпедгиз, 1956. Вып. 6.

Информация об авторах | Author information

Иванова Эльвира Васильевна¹

¹ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Elvira Vassilyevna Ivanova¹

¹ The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

¹ tekenmi@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.09.2025; опубликовано online (published online): 12.11.2025.

Ключевые слова (keywords): советский Север; кадровая стратегия; преемственность образовательного процесса; развитие письменности младописьменных народов; ревитализация языков и культур; Soviet North; personnel strategy; educational continuity; development of writing systems for newly-literate peoples; revitalization of languages and cultures.